

Любовь приходит однажды

18+

Нина Кислицына

Любовь приходит однажды

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Любовь приходит однажды / Н. Кислицына — «Автор», 2026

История о Кире, дочери влиятельного банкира, которой всю жизнь готовили одно будущее: выгодный брак, светские вечера, роль идеальной дочери. Случайная встреча с уличным музыкантом Славой — человеком из другого мира, живущим на съёмной квартире и играющим в переходе, — ломает отлаженный сценарий. Кира уходит из дома, лишается денег и статуса, учится жить заново и выбирать сама. Отец не принимает её выбор и пытается раздавить Славу — через подставной контракт и неустойку, которая должна загнать музыканта в долговую яму. Кира впервые идёт против отца, защищая человека, которого любит. Но настоящий поворот случается позже: отца настигает болезнь сердца, и перед лицом возможной потери семья, разодранная гордостью и контролем, начинает заново учиться друг у друга. Это история о том, что любовь — не побег от реальности, а самая трезвая из всех реальностей: про выбор, свободу, цену независимости и прощение, которое приходит не сразу, но всё-таки приходит.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Любовь приходит однажды

Глава

ГЛАВА 1

Кира шла быстро — каблуки отбивали по плитке тротуара чёткий, привычный ритм, в ушах ещё стоял голос отца из утреннего разговора. Про репутацию, про то, что дочь банкира не имеет права опаздывать даже на ужин, про будущее, расписанное на годы вперёд. Она машинально поправила ремешок сумки и собиралась уже нырнуть в переулок, сократить путь до стоянки, когда услышала гитару.

Звук долетал из парка — негромкий, живой, без усилителя. Кто-то перебирал струны у входа, у старой кованной ограды, и играл не то, что крутят по радио. Мелодия была неровной, будто человек не репетировал, а думал вслух. Кира замедлила шаг, сама не заметив.

Она остановилась у чугунных прутьев.

На скамейке, закинув ногу на ногу, сидел парень. Пальцы левой руки ходили по грифу, правая мягко дёргала струны. Волосы падали на лоб, он не поднимал глаз — смотрел на гриф так, будто разговаривал с инструментом. Рядом на земле лежал раскрытый кофр с парой мятых купюр. Сентябрьский ветер трогал страницы блокнота, придавленного локтем. Кира переступила с ноги на ногу. Стоять ей было незачем. Водитель ждал у ресторана через два квартала, телефон в сумке уже вибрировал, наверняка мама. Но она не достала его. Стояла и слушала, как мелодия спотыкается, находит себя и уходит вверх, к веткам. Парень поднял голову. Не сразу — доиграл фразу до конца, будто посторонние его не касались. Потом посмотрел на неё: прямо, спокойно, без той настороженности, с какой на неё обычно глядели незнакомцы, узнавая. Взгляд задержался на секунду дольше, чем положено.

— Нравится? — спросил он просто.

Голос оказался ниже, чем она ждала.

— Не знаю, — ответила Кира честно и тут же почувствовала, как это глупо прозвучало. Она стояла перед уличным музыкантом в платье, которое стоило как три его гитары, и не знала, нравится ли ей музыка. Он усмехнулся — неизбежно, краем рта.

— Тогда постой ещё. Может, дойдёт.

1

И снова опустил голову к струнам. Кира не ушла. Прислонилась плечом к ограде, скрестила руки на груди. Телефон вибрировал уже настойчивее, она накрыла его ладонью и придавила, как чужой шум. Парень играл, слегка покачиваясь, постукивал носком кеда по асфальту, и что-то в этом простом, немеханическом движении зацепило её сильнее, чем хотелось признавать. Он закончил, провёл ладонью по струнам, глуша звук. — Так как? — Дошло, — сказала Кира.

— И?

— Ты хорошо играешь.

— Это не ответ на вопрос.

Она вскинула бровь:

— А какой вопрос?

— Нравится или нет.

Кира смотрела на него. Лёгкая щетина, выгоревшая на скулах кожа, старенькая джинсовка с протёртыми локтями. От него пахло табаком и, кажется, мятной жвачкой. Она могла бы сейчас назвать его имя из любой жёлтой колонки — «сын кого-то», «нищий музыкант», «не твой круг». Всё это вертелось на языке, готовое сработать само.

— Нравится, — произнесла она вместо этого.

— Вот видишь. — Он откинулся на спинку скамейки, довольно шурясь. — Я Слава.

— Кира.

— Красиво. Как твоё имя, так и... — он не договорил, качнул головой, будто сам себя одёрнул. — Будешь проходить мимо — заходи. Я тут часто.

Кира усмехнулась:

— Я не прохожу мимо. Я езжу.

— Тогда сегодня тебе повезло, что ты прошла.

Она открыла рот — и не нашлась. Он снова взялся за гитару, но смотрел на неё поверх грифа, и в этом взгляде не было ни вызова, ни лести. Только спокойное, ничем не заслуженное внимание. Так на неё не смотрел никто из тех, кто знал, чья она дочь. Телефон в сумке завибрировал снова, уже не переставая.

— Мне пора, — сказала Кира.

— Иди.

2

Она развернулась и пошла, чувствуя спиной его взгляд. У выхода из парка оглянулась — он смотрел не на неё, а на струны, и снова играл, тихо, для себя. Водитель распахнул перед ней дверцу. Кира села в прохладный кожаный салон и уставилась в окно, где остались ограда, скамейка и парень с гитарой.

— Домой, Кира Андреевна? — спросил водитель.

— Нет, — сказала она неожиданно для себя. — К ресторану. Как договаривались.

Машина тронулась. Кира откинулась на сиденье и впервые за долгое время подумала, что завтра, пожалуй, стоит пройти мимо парка пешком. Кира не сразу поняла, что встала на полчаса раньше будильника. Лежала, глядя в потолок спальни, и слушала, как за окном дворник скребёт по асфальту. Мысль была простая и нелепая: сегодня она пойдёт пешком. Не потому, что так надо. Просто маршрут до офиса отца проходил мимо парка, и если выйти пораньше, можно не торопиться. Она спустилась к завтраку в светлом брючном костюме, который выбирала не для ресторана, а для делового дня. Мать подняла глаза от чашки, окинула её взглядом.

— Ты сегодня без водителя?

— Прогуляюсь.

— Пешком? — Мать произнесла это так, будто Кира собралась ехать на попутке. — До офиса сорок минут.

— Двадцать, если идти нормально.

Отец не отрывался от планшета. Он вообще редко вступал в разговоры, которые не касались денег, дела или будущего. Кира доела яичницу, допила кофе и вышла, не дожидаясь продолжения. На улице пахло мокрым асфальтом — ночью прошёл дождь. Она шла мимо витрин, мимо женщин с колясками и курьеров на велосипедах, и чем ближе подходила к парку, тем медленнее становился шаг. У ограды она остановилась. Нарочно посмотрела на часы. Свободных минут было много. Он сидел на той же скамейке. В той же джинсовке, с той же гитарой, только волосы сегодня были собраны в низкий хвост. Рядом стоял картонный стаканчик кофе на спинке. Играл он медленнее, чем вчера, — что-то протяжное, без слов. Кира подошла не таясь, постучала каблуками по плитке громче, чем следовало.

3

Слава поднял голову и улыбнулся, будто ждал.

— А говорила, не проходишь мимо.

— Я передумала.

— Серьёзно?

— Утром полезно ходить пешком.

Он хмыкнул и кивнул на место рядом. Кира секунду помедлила, потом села — на самый край, выпрямив спину, положив сумку на колени, как учили. Слава ничего на это не сказал.

Просто снова тронул струны, и вблизи звук оказался глубже, телеснее: Кира слышала, как ногой цепляет металл, как дребезжит под пальцами нижняя струна.

— Что играешь? — спросила она.

— Своё.

— Сам сочиняешь?

— Пытаюсь. — Он не смотрел на неё, кивал в такт. — Слова никак не ложатся. Мелодия есть, а слов нет.

— О чём хоть?

— О том, как человек опаздывает на свою жизнь.

Кира фыркнула:

— Мрачно.

— Зато честно. — Он всё-таки повернулся. — А ты чем занимаешься, Кира? Кроме того, что ходишь пешком по утрам в костюме за две моих месячных аренды? Она не ответила сразу. Хотелось соврать или уйти, но вместо этого Кира сказала правду — устало, будто отчитывалась:

— Работаю в компании отца. Точнее, учусь работать. Финансы, аналитика, встречи, на которых я должна кивать и запоминать.

— Нравится?

— Привычно.

— Понятно. — Слава отложил гитару, взял стаканчик, отпил.

— А что нравится? Кира не нашлась, и он не стал ждать ответа. Заговорил сам — про то, что днём играет в переходе у старого рынка, вечером тут, в парке, а по вторникам у него репетиция с ребятами в подвале. Говорил без горечи и без хвастовства, как о погоде. Кира слушала и ловила себя на том, что не перебивает, не смотрит в телефон, не считает минуты.

4

Телефон завибрировал — на этот раз она глянула. Сообщение от матери: «Ты где? Отец уже в офисе». Кира сжала телефон, убрала в сумку.

— Тебе пора, — сказал Слава, не спрашивая.

— Да. — Она встала, одёрнула пиджак. — Спасибо за концерт.

— Это не концерт. — Он откинулся, глядя на неё снизу вверх, и улыбнулся одними глазами. — Приходи вечером. Сыграю так, чтобы слова нашлись.

— Посмотрим.

— Вот и посмотрим.

Кира пошла к выходу. У самой арки оглянулась — он не провожал её взглядом, уже настраивал гитару, и пальцы его быстро крутили колки. Почему-то именно это — что он не обернулся — задело её сильнее, чем вчерашнее внимание. Весь день она ловила себя на рассеянности. На совещании, где отец отчитывал кого-то из менеджеров, Кира смотрела в окно и видела не деловой квартал, а скамейку, гитару и протёртые локти джинсовки. Подчинённые отца кланялись ей в коридорах, секретарша приносила кофе, не спрашивая, какой она хочет, — всё шло по расписанию, как швейцарские часы. А Кира думала о том, что вечером снова можно выйти на улицу, и никто не узнает, куда она пойдёт. После работы она задержалась в дамской комнате. Посмотрела на себя в зеркало: строгий пучок, дорогая помада, лицо, которому положено быть безупречным. Потом вытащила шпильки, распустила волосы, тряхнула головой. В сумке не нашлось ничего проще — только пиджак и блузка. Она сняла пиджак, перекинула через руку. Посмотрела на отражение и впервые за день усмехнулась.

Вечером у парка горели фонари. Слава был на месте, но не один — рядом с ним на скамейке сидел парень с кахоном, а чуть поодаль девушка настраивала скрипку. Кира остановилась в тени дерева, не решаясь подойти. Слава поднял голову, увидел её и махнул рукой — просто, по-свойски, будто она была своей.

— Иди сюда, — позвал он. — Тут как раз место для зрителя.

Кира шагнула к свету.

Кира шагнула к свету.

Фонарь выхватил её из тени, и на секунду все трое посмотрели на неё разом. Девушка со скрипкой — короткие светлые волосы, серёжка в носу, куртка не по размеру — кивнула первой, без улыбки, оценивающе. Парень с кахоном поднял ладонь:

— О, это та самая?

— Заткнись, — сказал Слава спокойно и подвинулся, освобождая место. — Кира, это Макс и Юля. Ребята, это Кира.

— Очень информативно, — хмыкнула Юля и вернулась к скрипке, подкручивая колок.

5

Макс подмигнул Кире и хлопнул ладонью по кахону. Звук вышел низкий, тугой, будто в грудь толкнули. Кира села рядом со Славой — в этот раз ближе, чем утром, потому что на скамейке было тесно от инструментов и чужого кофра.

— Она не знает, во что ввязывается, — сказал Макс, ни к кому не обращаясь.

— А что я должна знать? — спросила Кира.

— Что по вторникам у нас не репетиция, а поминки по трём чужим песням, — отозвалась Юля. Слава засмеялся — коротко, свободно. Кира впервые услышала, как он смеётся, и поймала себя на том, что смотрит на его шею, на то, как дёргается кадык.

— Ладно, — сказал он и взял гитару. — Сначала своё, потом чужое.

Кира обещала послушать.

— Я не обещала. Я сказала «посмотрим».

— Вот ты и смотришь.

Макс отбил на кахоне быстрый ритм, Юля подняла смычок, и они заиграли. Это не было похоже на музыку, которую Кира слышала на приёмах, — не вылизанный джаз, не струнный квартет, от которого хочется спать. Звук рождался прямо здесь: скрипка взлетала резко, гитара то отступала, то накрывала её, кахон держал всё это на себе, как пульс. Прохожие оборачивались. Какая-то женщина с собакой остановилась, мужчина в плаще снял на телефон. А Кира сидела и не могла оторвать глаз от рук Славы — от того, как пальцы левой бегают по ладам, как правая рвёт струны, как он чуть наклоняет голову, слушая себя со стороны. Песня кончилась на низкой ноте. Скрипка затихла последней, тонко, будто вдох оборвали.

Макс потянулся, хрустнул шеей.

— Ну? — спросил Слава у Кире.

— Это не то, что ты играл утром.

6

— Утром было грустное. Сейчас — про другое.

— Про что?

— Про то, как не опоздать, — сказал он и посмотрел на неё в упор. Кира не отвела глаз. Между ними, на коленях, лежала её сумка — дурацкий барьер из лакированной кожи. Она вдруг отчётливо поняла, что сидит на обшарпанной скамейке с распущенными волосами, без пиджака, и что ей не хочется отсюда уходить. Потом они играли чужое. Юля затянула что-то про осень и поезда — голос у неё оказался неожиданно низкий, с хрипотцой. Макс подпевал, сбиваясь на смехе. Слава иногда вставлял слово-другое, но в основном играл, и Кира заметила: в общем звуке он не тянет одеяло на себя. Он слушает. Это было странно и почему-то важно. Часа через полтора, когда фонари зажглись ярче и воздух стал холодным, Юля спрятала смычок в кофр и сказала:

— Всё, у меня завтра смена в семь. Кир, ты с нами по пиву?

Кира растерялась — не из-за пива, а из-за «с нами», будто её уже посчитали своей.

— Мне пора, — сказала она.

— Ну да, — Юлия пожала плечами, без осуждения. — Бывай.

Макс сложил кахон в чехол, хлопнул Славу по плечу, и они ушли вдвоём в сторону останки, о чём-то негромко споря. Кира осталась на скамейке. Слава убирал гитару в кофр, защёлкивал замки — медленно, будто давал ей время что-то сказать.

— Мне правда пора, — повторила Кира тише.

— Я слышал. — Он закинул ремень на плечо, встал. — Провожу до арки.

Они пошли рядом. Каблуки её снова цокали по плитке, но теперь к ним примешивался звук его кед — мягкий, пружинящий. У выхода из парка Слава остановился первым.

— Слушай, — сказал он, глядя не на неё, а куда-то поверх, на свет фонаря. — Я не знаю, кто ты там и чья. И знать не хочу. Но ты приходишь второй день подряд. Это что-то значит или нет?

Кира сглотнула.

— Не знаю, — ответила она так же честно, как тогда, в первый раз.

— Тогда выясни. — Он наконец посмотрел на неё. — А потом приходи. Или не приходи. Только честно. Он развернулся и пошёл обратно в парк, к скамейке, где, видимо, собирался доиграть вечер. Кира стояла под фонарём, сжимая ремешок сумки, и смотрела, как его спина удаляется между стволами. Внутри всё гудело — не от музыки, от чего-то другого, что она не хотела называть.

ГЛАВА 2

Дома её встретил запах ужина и недовольное лицо матери.

— Ты где была? Я звонила четыре раза.

— В парке. Слушала музыку.

— В парке? — Мать всплеснула руками. — Кира, у тебя был записан примерочный визит к портнихе. К платью на приём у Аркадьевых.

— Отмени.

— Что значит «отмени»? Аркадьевы — это не те люди, перед которыми можно...

— Мам. — Кира повернулась на лестнице, посмотрела сверху вниз.

— Я устала. Отмени.

Мать замолчала, поджав губы, и Кира впервые почувствовала не вину, а что-то похожее на злую, новую силу. Она поднялась к себе, заперла дверь, села на кровать. Достала телефон. На экране — четыре пропущенных от матери, одно сообщение от отца: «Завтра в девять, не опаздывай». И ничего от того, кому хотелось бы написать. Она легла, не раздеваясь, и долго смотрела в потолок. Перед глазами стояли руки Славы на грифе, его взгляд поверх света, его «только честно». Кира закрыла глаза и услышала скрипку, кахон и низкую, спотыкающуюся мелодию про человека, который опаздывает на свою жизнь. Утром она встала в шесть. Надела не костюм, а джинсы и простую футболку — впервые за долгие месяцы. Волосы оставила распущенными. Вышла из дома, пока все спали, и пошла к парку. Славы на скамейке не было. Кира постояла у ограды, чувствуя, как сердце медленно проваливается вниз. Потом увидела: на спинке скамейки лежал сложенный лист, придавленный камешком. Она подошла, взяла. На листе неровным почерком, расплывающимся к краю: «Ушёл на рынок раньше. Если это честно — приходи в переход у Старого рынка после шести. Я там буду. С.» Кира сжала бумагу в кулаке. Потом бережно разгладила, сложила вчетверо и сунула в задний карман джинсов. До вечера оставалась целая жизнь.

8

До вечера Кира прожила день на автопилоте. В офисе отец поднял бровь, увидев джинсы, но промолчал — только кивнул на папку с отчётами. Она просидела за ними до обеда, ничего не запоминая, гоня строчки по экрану. Секретарша дважды спрашивала, всё ли в порядке. Кира кивала, как на тех самых встречах, где положено кивать и запоминать, — а сама слушала,

как в груди тикает до шести. После шести она вышла из офиса через чёрный ход, чтобы не наткнуться на отца или водителя. В переходе у Старого рынка пахло сырым бетоном и жареными семечками. Народ шёл быстро, не поднимая головы, — обычное течение города, в котором Кире никогда не приходилось плыть пешком. Она спустилась по ступеням, держась за поручень двумя пальцами, и услышала его раньше, чем увидела. Гитара отзывалась от стен эхом, глухим и гулким, будто играл не один человек, а несколько. Слава стоял у витрины закрытого ларька, опираясь плечом о металлические жалюзи. Перед ним на расстеленной куртке лежал раскрытый кофр с монетами и парой бумажек. Он играл то самое, утреннее — медленное, про опоздавшего на жизнь человека. Кира подошла и встала сбоку, не мешая прохожим. Слава доиграл, опустил руку, стряхнул с пальцев невидимую пыль.

— Пришла.

— Ты же сам написал.

— Написал, — согласился он. — Но я не был уверен.

— Почему?

Он пожал плечами, поправил ремень гитары.

— Девочки с твоими глазами обычно не спускаются в переходы.

Кира хотела спросить, какие у неё глаза, но вместо этого посмотрела на кофр, на мятые купюры, на то, как женщина с тяжёлой сумкой бросила на ходу монету, не взглянув на музыканта.

— Тебе не кажется это унижительным? — спросила она.

— Что?

— Стоять тут. Люди бросают мелочь, даже не слушая. Слава задумался, крутанул колок.

— Нет, — сказал он наконец. — Унижительно врать себе. А это — работа. Кто-то бросит рубль, кто-то остановится на минуту. А кто-то приходит и говорит, что я хорошо играю. — Он посмотрел на неё и добавил: — Или что ей нравится.

9

Кира почувствовала, как теплеет шея, и отвернулась к витрине, в тёмном стекле которой они отражались вдвоём — он с гитарой, она в джинсах и футболке, и никто из прохожих не узнавал в ней дочь банкира.

— Сыграй ещё, — попросила она.

— Что?

— То, что не закончил. Про человека.

Он кивнул и поднял гитару. Мелодия полилась снова, и теперь Кира слушала её не сквозь ограду и не с края скамейки, а стоя в двух шагах, чувствуя, как звук отдаётся в бетонном полу. Потом Слава запел — негромко, чуть сипло, будто пробуя слова на вкус. Голос шёл ниже мелодии, цеплялся за согласные, иногда срывался. Он пел про поезда, уходящие с пустых перронов, про будильники, которые звонят не тем, кто спит, про человека, который всё ждал подходящего дня. Кира стояла и не дышала. Прохожие шли мимо, толкали её локтями, а она не двигалась с места. Когда он замолчал, в переходе стало слишком тихо.

— Это ты написал? — спросила она.

— Мы. Слова мои, Юлька помогла с припевом.

— Про меня?

Слава усмехнулся, снял ремень с плеча, поставил гитару в чехол.

— Про всех. Но ты первая, кто дослушала.

Он присел на корточки, начал собирать мелочь из кофра — горстями, не считая. Кира смотрела на его затылок, на выгоревшие пряди, на то, как он сыпает монеты в карман джинсов, и чувствовала, что её тянет сделать что-то, чего она сама от себя не ждала.

— Слава.

Он поднял голову.

— Я пришла не потому, что ты хорошо играешь, — сказала Кира. — Я пришла, потому что не могла не прийти..Он выпрямился, отряхнул ладони. Секунду смотрел на неё — серьёзно, без усмешки.

— Иди сюда, — повторил он, как тогда в парке.

Кира шагнула ближе. В переходе горели жёлтые лампы, пахло подземкой и осенью, мимо шли чужие люди, и всё это было неважно. Слава взял её за руку — просто, будто они были знакомы сто лет. Ладонь у него была тёплая, шершавая от струн, с мозолями

10

на подушечках пальцев. Кира почувствовала, как эти мозоли цепляются за её гладкую кожу, и не отняла руки. — Пойдём, — сказал он. — Я угощу тебя кофе. Тут наверху есть одна дыра, где варят нормальный.

— Я не пью кофе из уличных стаканчиков.

— А ты пробовала?

Кира замолчала. Он смотрел на неё и ждал, и в этом ожидании не было ни вызова, ни обиды — только спокойная уверенность человека, который знает, что она скажет «да».

— Не пробовала, — призналась она.

— Вот видишь.

Он подхватил чехол, закинул за плечо и пошёл к лестнице, не оглядываясь, — как тогда, утром, когда она сама захотела, чтобы он обернулся. Кира нагнала его в два шага, и они поднялись из перехода в тёмнеющий город. Наверху он повернул налево, к маленькой кофейне с тусклой вывеской, и Кира пошла за ним, не спрашивая, куда. За столиком у окна он заказал два кофе и булочку с корицей, которую разломил пополам. Кира отпила из бумажного стаканчика — кофе оказался крепким, с горчинкой, совсем не похожим на то, что варила их домработница. Она обхватила стаканчик обеими ладонями и посмотрела на Славу.

— Что ты обо мне думаешь? — спросила она.

— Что ты очень стараешься казаться скучной. Но у тебя плохо получается.

Кира засмеялась — неожиданно для себя, звонко.

— Это не ответ.

— Это честнее, чем ты думаешь.

Он подался вперёд, опираясь локтями на стол, и стал ближе. Кира видела мелкую щербинку у него на переднем зубе, тень от ресниц, лёгкую щетину на подбородке.

— Кира, — сказал он тихо. — Я не знаю, что между нами происходит. Но я не хочу, чтобы ты исчезла.

— Я не исчезну.

— Тогда дай свой номер. Чтобы я не оставлял записки на скамейках.

Она достала телефон. На экране снова висели пропущенные — мать, наверное, сходила с ума. Кира не глядя смахнула их и протянула

11

трубку Славе. Он вбил свой номер, позвонил на свой, чтобы сохранился её, и вернул телефон.

— Теперь ты в моём телефоне, — сказал он. — Это почти как переезд.

— Глупости.

— Возможно.

Они сидели в маленькой кофейне, пока за окном не стемнело окончательно. Говорили ни о чём и обо всём — о музыке, о том, как он ушёл из дома в семнадцать, о том, что Кира ни разу не ездила в поезде дальше пригорода. Она не помнила, когда в последний раз так долго разговаривала с кем-то, кто не хотел от неё выгоды, связей или места за столом.

Когда они вышли, город горел огнями. Слава проводил её до перекрёстка, где ловили такси.

— Дальше не пойду, — сказал он. — Тебе, наверное, не надо, чтобы видели. Кира кивнула. Это было правдой, но от его слов что-то внутри сжалось.

— Ты ведь понимаешь, что моя жизнь — она другая? — спросила она.

— Я это вижу. — Он сунул руки в карманы. — Но я не твою жизнь позвал на кофе. Я позвал тебя. Кира подняла руку, и у бордюра тут же притормозило такси. Она села, назвала адрес, а потом, когда машина тронулась, оглянулась. Слава всё ещё стоял на углу, засунув руки в карманы, и смотрел вслед. На этот раз он не отворачивался. Дома было тихо. Кира прокралась к себе, не зажигая света в холле, и легла на кровать, не раздеваясь. Телефон лежал рядом, и на нём было одно новое сообщение от незнакомого номера: «Я рад, что ты пришла. С.». Кира улыбнулась в темноту и не стала отвечать. Пусть подождёт. Пусть хотя бы одну ночь он тоже не сможет уснуть, думая о ней. Она продержалась до полудня следующего дня. На совещании, где обсуждали квартальный отчёт, Кира смотрела в телефон под столом, и отец дважды прожёл её взглядом. Она видела, как он поджимает губы — так он делал, когда не хотел устраивать сцену при подчинённых. Но пальцы уже сами набирали:

«Как твоя песня про человека? Нашлись слова?»

12

Ответ пришёл через минуту, пока финансовый директор бубнил про маржу. «Нашлись. Хочешь послушать? Сегодня вечером, парк, та же скамейка. Принесу термос с чаем, а то ночи холодные.» Кира сжала телефон и улыбнулась, не поднимая головы. Когда отец после совещания позвал её в кабинет, она вошла, уже зная, что скажет.

— Ты в последнее время где-то витаешь, — сказал он, не глядя на неё, листая бумаги. — Это заметно. Мне нужно, чтобы ты была сосредоточена.

— Я сосредоточена.

— Тогда убери телефон под столом. — Он поднял глаза. — И надень что-то соответствующее офису. Ты не на прогулке. Кира не стала спорить. Кивнула и вышла, а в груди уже разгоралось то самое, новое — не вина, а упрямство. Вечером она снова ускользнула через чёрный ход.

ГЛАВА 3

В парке было холодно, пахло прелой листвой. Слава сидел на скамейке в тонкой куртке, воротник поднят, на коленях — гитара. Рядом стоял термос, который он, видимо, и впрямь принёс. Кира села ближе, чем в прошлый раз, и он без слов накрыл её плечи своей курткой. От неё пахло табаком и чем-то тёплым, живым.

— Показывай, — сказала она.

Он запел. Слова теперь были на месте — про будильники, пустые перроны и человека, который перестал ждать подходящего дня. Кира слушала, и от холода у неё горели щёки, а от песни сжималось горло. Когда он закончил, она молчала долго.

— Ты плачешь, что ли? — спросил Слава, наклоняясь к ней.

— Нет.

— Врёшь.

Он провёл большим пальцем по её щеке, стирая что-то мокрое, и Кира сама не заметила, как подалась к нему. В следующую секунду он поцеловал её — осторожно, будто спрашивал разрешения. Губы у него были сухие, тёплые, с привкусом мяты. Кира ответила, запустила пальцы ему в волосы, потянула к себе. Гитара глухо звякнула, соскользнув с его колен, и он засмеялся ей в губы, не отрываясь.

13

— По-моему, я поцарапал колено, — пробормотал он.

— Заткнись.

Она снова поцеловала его, и в этот раз он уже не был осторожным. Его ладони легли ей на талию, притянули ближе, пальцы прошлись под краем футболки, по пояснице. Кира вздрогнула

— от холода и от того, как остро отозвалось тело. Они целовались на обшарпанной скамейке, под фонарём, пока мимо не прошла женщина с собакой и не кашлянула осуждающе. Слава отстранился первым, упёрся лбом в её лоб..

— Это честно? — спросил он, повторяя её вчерашнее слово.

— Да.

— Тогда слушай. — Он взял её лицо в ладони, заглянул в глаза. — Я не знаю, чем это закончится. Но я хочу, чтобы ты была моей. По-настоящему. Не тайком на скамейке.. Кира сглотнула. Внутри всё кричало, что так не бывает, что отец, мать, их круг, его кофр с мелочью — всё это несовместимо. Но слова вырвались раньше, чем страх.

— Я хочу того же.

Он поцеловал её ещё раз — твёрдо, по-хозяйски, и Кира поняла, что отступить уже некуда.

Так начались их недели.

Они встречались почти каждый вечер. Кира врала родителям про задержки на работе, про подруг, про какие-то встречи, которых не было. Слава ждал её в парке, в переходе, у служебного выхода из офиса — везде, где она могла выкроить час. Она узнала его мир: репетиции в сыром подвале, где на стенах висели старые афиши, чай из общей кружки, споры с Максом о том, какой аккорд звучит правильнее. Юля перестала смотреть на неё с подозрением и однажды сказала: «Славик оттаял. Раньше он по три дня молчал, как рыба. Это ты его». Кира училась жить на две жизни. Утром — офис, отчётные таблицы, обеды с отцовскими партнёрами, примерки у портнихи. Вечером — его поцелуи в тёмных подъездах, песни, которые он писал теперь про неё, не признаваясь, что про неё. Она впервые попробовала дешёвое пиво из банки, сидя с ним на крыше его пятиэтажки. Впервые ехала в ночном автобусе, положив голову ему на плечо, и чувствовала, как он перебирает её волосы. Впервые позволила себе не быть дочерью банкира.

14

А потом всё треснуло.

В тот вечер мать ждала её в прихожей, скрестив руки. На лице было написано то самое, что Кира видела в детстве перед долгими разговорами о том, «как надо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.